

Уваранга Сержантова
Парустанок

16+

Иоланта Сержантова

Полустанок

«Автор»

2017

Сержантова И. А.

Полустанок / И. А. Сержантова — «Автор», 2017

ISBN 978-5-9500317-6-2

Повесть "Полустанок". Людские судьбы и их переплетение с жизнью обитателей заповедного леса. У реки бытия, на одном берегу которого прошлое, а на другом - будущее. Все персонажи являются вымышленными и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно. Повесть "Полустанок" получила специальный диплом «За глубину и проникновенность прозы» Германского Международного Литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая Книга года» (Берлин-Франкфурт, 2018)

ISBN 978-5-9500317-6-2

© Сержантова И. А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Полустанок	6
Записные флешки	7
Разговор с другом	9
По колено в снегу	12
Секреты гнилого пня	14
Покинув городской уют...	16
Трясогузка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Посвящения родителям -
запоздалое проявление любви к ним.
Посвящение супругам -
преждевременная её демонстрация.
Посвящение детям – любовь.

Ты знаешь, благодаря и вопреки чему всё это.

Полустанок

Перрон. Люди теснятся у входа в вагон, проникают внутрь, толкаясь и теплея. Рассаживаются – напротив знакомых, поближе к проходу или к окнам...

Впрочем, особого смысла в том нет, ибо те очень скоро обращаются в зеркала. Оплывшие усталостью лица хорошо видны даже в них.

Вежливый женский голос из динамика оповещает о том, что «электropоезд из пункта А в пункт Б следует со всеми остановками», но хриплый простуженный машиниста выкрикивает поспешно: «Кроме 539 километра!!!» И никому это неинтересно, за исключением меня...

Граждане пассажиры косятся на свои унылые отражения и спешат притвориться спящими. Впрочем, время от времени они приоткрывают глаза, чтобы не пропустить станцию. Некоторые и впрямь засыпают. Чрезмерное усердие в притворстве не всегда уместно... Так некогда казалось странным присутствие в таком же вот вагоне козлёнка. Его купили в соседнем городке и везли в электричке, как обычного пассажира. С собственным билетом. И возможностью сорить на пол. Но не шелухой от семечек, а маленькими, по возрасту, горошинками. Малыш вёл себя прилично, не голосил, только топал своими ладными ножками, когда мы вели его по проходу в тамбур, словно медсестра на каблуках по больничному коридору... Пассажиры удивлённо озирались, а обнаружив источник необычного звука, улыбались этому милому пассажиру с кротким взглядом из-под пушистого чубчика и тянулись прикоснуться к его тёплому пушистому боку...

В ночи за окном промелькнул сгоревший остов Крутовского кордона. Его не видно в темноте – просто я знаю, что он там.

Но даже утром люди не выглядывают в окна, как прежде, чтобы подивиться диким кабанам, разгуливающим бок о бок с домашними свиньями. Или корове, которая отпихивает боком от приглянувшегося куста травы оленя, что выбирает листочки подле.

Как-то всё это... На чём бы записать, чтобы не забыть...

Записные флешки (Предисловие)

В прошлом веке, когда мир ещё не знал о существовании цифровой техники, люди записывали свои мысли на бумаге.

Перьевые ручки считались правильными и полезными. Шариковые были запрещены, так как уродовали не только почерк, но и душу советского человека. Обладателей перьевых ручек можно было узнать по чернильным пятнам на большом, указательном и среднем пальцах правой руки. Кисти владельцев дефицитного канцелярского чуда конца шестидесятых были подозрительно чисты...

– Класс! Вынули руки из карманов, выставили руки вперёд и показываем дежурным...

– Григорий Антонович! У Светки руки чистые!

– Так... Несём сюда ручку!

– Не отдам! Мне её мама из Москвы привезла!

– Несём сюда ручку, я сказал!

...Я иду по ряду к кафедре учителя. Несу маленькое шариковое четырёхцветное чудо, которое так удобно лежит в руке и не пачкает тетрадей.

– Быстрее, не задерживаем класс! – на лице Григория Антоновича хищная улыбка. Он представляет себе, как покажет мою чудесную ручку в учительской. Как, щёгольски перещёлкнув все четыре цвета, он отыщет нужный, красный, и напишет в моём дневнике: «Опять разговаривала на уроке! Родители! Примите меры!»

Я уже вижу протянутую руку учителя почти у самого лица, и, сама не понимая, что делаю, переламываю объект своей гордости пополам. Хрясть! – и изуродованное тело ручки топорщится разноцветными стержнями, как иглами. Или нет – как кровеносными сосудами. Мне подарили её совсем-совсем недавно, и только вчера я спрашивала у родителей, на сколько букв мне её хватит. Мама сказала, что я смогу написать ею много хороших и добрых слов...

Не веря в то, что произошло, учитель пытается соединить, починить, прижать обломки друг к другу... Вернуть! Вожделенный! Предмет!

– Как?! – Григорий Антонович орёт и брызжет мне в лицо неприятной слюной. – В угол! С родителями! Вон!..

Как давно это было...

Довольно быстро отстучало время механических печатных машинок, совсем недолго продержались их электрические сёстры... И вот уже компьютеры, лЭптопы, ноутбуки – и те уступили право первенства планшетами и более новым игрушкам. Всё больше мыслей и чувств замерзает в плену виртуальных, незримых электронных облаков и на ячейках флэш-памяти... И теперь, вместе с ворохом бумажных воспоминаний, в моём столе лежат разномастные флешки, на них – то, что мне хочется помнить. То, что было бы глупо забыть или испортить попытками восстановить по памяти. Обстоятельства «времени, места, образа действия»... событий моей жизни...

Кем-то было замечено, что труднее всего простить самого себя. Не позабыть о совершенном – ибо пропасть разницы меж тем, когда ты просто затираешь память о дурном, и истинным прощением – слишком велика...

Разговор с другом

Война и голод, растянувшийся на век.
На век семьи простого человека.
Того, чей внук идёт в театр, в аптеку,
Берёт кредит, но слово «ипотека»
Звучит, увы, уже не для него,
А он ещё не видел ничего.

– Ты думаешь, это будет кому-нибудь интересно?

– Думаю, да.

– Ох, ты так уверена...

– Знаешь, я уже давно убедилась, что никакие легальные способы высечь из человеческой Души хорошие эмоции не запрещены!

– Разве то, о чём рассказываешь ты, – хорошее? Разве это не о плохом? Разве это всё – о правильном?

– Да как тебе сказать... Не всё правильно, но всё – правда.

Моя правда о том, как моя маленькая семья пережила первые три года двадцать первого века.

– Хватит ныть. Можно подумать, вам одним было плохо, а всем остальным – хорошо.

– Я не ною!

– Ноешь! И жалуешься! Строишь из себя невинную жертву обстоятельств.

– Да нет же! Ты всё не так понимаешь!

– А как? Как ещё я могу тебя понять?

– Вот, послушай! Мне не нравится, если люди отказываются от своих и чужих воспоминаний. Они, словно звёзды из стихов Маяковского, – кому-то нужны.

Я мало знаю о том, где и как мой отец был контужен. Вроде бы во время бомбёжки. Голодал. Учился в гимназии в Вильно. Папа здорово болтал на литовском и пел в костёле. Его одноклассниками были братья Майоровы и Эдуард Марцевич, лучшим другом – Бутковский.

На большой перемене в гимназии мальчишки получали кусочек хлеба размером со спичечную коробку. Сверху им клали чайную ложку мятой картошки (не путать это несолёное серое месиво с пюре, которое делают на молоке и со сливочным маслом!). По дороге домой мой папа ловил голубей, которых потом ел. Ну, пока было кого ловить, конечно... А ещё я знаю по рассказам отца, как радостная бабка привела в дом с рынка козу, которую продал ей нереально дородный по военному времени мужик. Коза, как он уверял, должна со дня на день родить. В блаженном ожидании молока и козлёнка семья провела весь день и заснула чуть ли не с пенкой вождённого молока на устах...

Но с утренней прогулки по местному кладбищу почти прозрачный белоголовый мальчик привёл худую животину, едва удерживающую на весу рогатую голову. Солёная вода, которой напоили несчастное животное, недолго распирала её изнутри...

Часть детства папа провёл один, без родителей, среди «зека» на строительстве Цимлянской ГЭС... Разве в эти крохи способна уместиться жизнь?

Я слишком мало знаю и о маме. Она пряталась под столом от страха во время налётов немецких бомбардировщиков, а старшая сестра съедала её пайку хлеба, уверяя, что всё отдаст после войны.

Мамина мама столько натерпелась во время Великой Отечественной, что умерла, испугавшись начала войны в Афганистане. И я, наивная дурочка, долго надоедала районному военкому просьбами отправить меня на юго-запад Азии, отомстить за бабушку...

А мой сын? Он родился в день начала войны в Чечне. «В армию не пушу!» – сказала я сразу же после того, как пришла в себя после кесарева сечения.

Но разве подозревала я, прижимая к груди тёплое беззащитное существо, что обрекаю его на многие-многие муки этой самой мирной жизни? Разве этого я хотела?!

В конце девяностых невозможно было найти работу, за которую платили, и приходилось жить на деньги от уроков музыки, которые я давала двум мальчишкам на противоположном краю города. Туда приходилось добираться на нескольких трамваях и автобусе. Когда я, вымотанная и несчастная, возвращалась с заработков, сын не пытался отыскать в моей сумке ничего «вкусенького». Он знал, что ничего там не найдёт. Он просто прижимался крепко-крепко к моим ногам и стоял. Молча. И никогда ничего не просил...

А ведь это очень страшно, когда маленький ребёнок ничего не просит у своей мамы!

Тридцать шесть рублей в неделю, заработанные на хроматических гаммах... Их хватало на килограмм макарон, пару бульонных кубиков, упаковку масла, сделанного непонятно из чего, и буханку хлеба. Ещё оставалась мелочь на транспорт, чтобы попасть к следующему уроку.

Как вспомню, что продукты к новогоднему столу мы начинали собирать уже в июне...

– Ну, а причём здесь всё это?

– Я не хочу ждать очередной катастрофы, для того чтобы напомнить себе и другим о том, как важно правильно оценить каждое мгновение жизни. Я искренне переживаю за нашу Землю. Поступаю так, как если бы не было на свете никого, кроме нас. Словно Маленький Принц, который заботливо ухаживал за планетой. За своей! Как только каждый почувствует себя Принцем, в то самое мгновение перестанет быть незначительным!

– Это никого не изменит!

– Надеюсь, что ты ошибаешься. Когда я была маленькой, то все свои возможности и поступки оценивала по шкале военного времени: смогла бы, выдержала бы, успела бы... Было так много вопросов, и так хотелось дотянуться, суметь и преодолеть... Быть наравне, не хуже тех, в омуте сердец которых утонули те проклятые свинцовые плевки... Иногда жизнь устраивала реальные проверки, и приходилось бежать или плыть с разорванными связками или выпирающим из-под колен хрящом. В такие мгновения мне не было больно только потому, что казалось: вот он – момент, которого от меня ждали люди, застрявшие в том страшном военном времени. И все они смотрят и верят в меня, и я не могу подвести их веры и не оправдать их надежд. Однажды с тремя порванными связками бежала на Мамаев Курган. Символический пробег – во имя ИХ ВСЕХ...

– Как-то раз, давно это было, в трамвае негодяй напал на девушку. Размахивал ножом перед её испуганным лицом, и толпа взрослых и рослых отхлынула и отвернулась... Я подошла к хулигану, отняла нож и переломила его прямо на уровне его глаз. Порезалась слегка, у основания мизинцев, а так – ничего, нормально...

– Ты просто сумасшедшая!

– Называй это, как угодно, но по-другому жить нельзя, неправильно.

- Спустишься с небес на землю, фантазёрка! В очередной раз твердить о том, что небо голубое, а трава зелёная, большого ума не надо!
- Это не так! Человечество довольно консервативно. Люди из века в век рассуждают об одном и том же. Самое главное – написать так, чтобы тебя поняли!!!
- Ну, как знаешь, только не говори потом, что я тебя не предупреждала!..

По колено в снегу

Позёмка, как мелкая рябь на море...

– Люди, которые ходят по снегу,
они уже утонули, да?

Да... машинист электрички, вероятно, большой шутник. Проехал мимо полустанка, за переезд, и мне пришлось прыгать под откос, прямо в сугроб. Попыталась сгруппироваться, но рюкзак за спиной перевесил так, что провалилась почти по шею. Снег набился под куртку, в ботинки... Пока откапывала сумки и вытряхивала из карманов снег, из кабины электровоза был слышен мат и хохот.

С Крутовского кордона на звук подъехавшей электрички вышел лесник:

– Давай помогу!

– Помоги...

Мужчина нагнулся, чтобы поднять мои сумки, потянул за ручки, поднатужился... Крякнул, но не смог оторвать их от земли. Махнул рукой и ушёл в дом.

...второй час бреду по колено в снегу. За спиной – очень тяжёлый рюкзак. Пальцы веером, на каждом – пакет с провизией. Сквозь растянутые швы глянцево блестят буханки хлеба, банка селёдки и что-то ещё. Кончики пальцев, перетянутые плетёными пластмассовыми сумками с мукой и подсолнечным маслом, синеют. Идти так тяжело, что снег перед глазами уже давно приобрёл красноватый оттенок.

«Р-раз! Д-два!» – я пытаюсь считать шаги, повороты, кабаньи метки, но думать во время этой изнуряющей ходьбы невыносимо тяжело. Даже про себя...

Минут через сорок идти становится легче. Я не сразу соображаю – почему. По тропинке впереди медленно прогуливается лось. Ущербные гири его ступней так основательно приминают снег, что кажется, будто бы идёшь по ступенькам. Лось – товарищ серьёзный. Он так велик, что любой из лесных страхов гораздо меньше его самого. А я, вымотанная безденежьем и борьбой за существование, не конкурент хозяину леса. Но и свою добычу – хлеб для ребёнка – я ему так просто не отдам. Наспех прикидываю тактику встречи с лосем. Зарыться лицом в снег или бросить под стройные безразмерные ноги великана буханку? Но ведь тогда этот гад будет стоять тут же каждую среду, в ожидании подачи! Я его не прокормлю...

Лось оказался гуманнее кондуктора электрички – не стал отбирать последнее, а тихо и великодушно исчез с моего пути.

С каждым шагом ноги всё тяжелее и тяжелее. Такое ощущение, что идёшь по поверхности, залитой смолой. Очень хочется бросить поклажу в снег и уйти налегке. Но как тут уйдёшь, если в самой глуши заповедного леса стоит дом, а в доме – маленький сын, который просит по вечерам: «Мамочка! Если у нас есть хлеб, и если у нас есть подсолнечное масло, дай мне, пожалуйста, хлеб с солем и маслом...»

Да, он так и говорит, этот маленький умный человек: «С сОлем».

Хотя ему только пять, он уже прочёл и передумал гораздо больше иного взрослого.

Ну вот, ещё один поворот – и становится видна осина с нереально толстой талией. Дерево так устало стоять, что в полухмельном забытии привалилось к соседнему дубу, норovia упасть не то что при первом порыве ветра, но просто от лишнего взгляда.

«Господи! Спаси меня и помилуй!» – бормочу я каждый раз, когда прохожу мимо.

Одно хорошо – от этой осины до кордона всего один километр. Значит, почти дошла.
В очередной раз.

Секреты гнилого пня

Серьёзность или несерьёзность наших деяний познаются с течением реки времени. Всё лишнее прибивается к берегу, всё важное наполняет глубины океана нашего бытия.

Обычно, когда я пересекаю покосившийся ведемин (осиновый) рубеж, идти становится немного легче. Я предвкушаю встречу с моей маленькой семьёй. Надеюсь, что увижу радость в их глазах. Простую радость от вкусного батона, от лишнего (!) кусочка колбасы, от карамельки... Но я уже не так наивна, как шесть лет назад. И в отверстии ближайшего к кордону пня я прячу бутылку водки и небольшой свёрток с едой. И лишь потом направляюсь к дому.

Открываю дверь и вхожу. Навстречу выбегает сыночек и выходит муж. Сын беленький, с ровным красивым личиком. Большие умные глазки сияют от радости и блестят от голода. Супругу 30 лет, он высок и худощав. Как молодой волк, кидается на содержимое сумок и старается съесть то, что повкуснее. Вкусного очень мало: граммов двести сыра, колечко дешёвой колбасы.

Бульонные кубики, спагетти и подсолнечное масло – вот и всё, что остаётся на столе. Сын маленький, быстро жевать не умеет и не поспевает за папашей. Стараясь скрыть потоки слёз, я отворачиваюсь. Остановить молодого самца я не успеваю, да и боюсь: у него тяжёлая рука.

Мысленно бьюсь головой о стену, хочу выть и кричать... Но молчу. Сыночек прижимается ко мне, я увлекаю его на улицу и веду к уже знакомому полуму пню. Достая припрятанный кусочек сыра, колбасы, шоколадку и протягиваю ему. Сама же открываю водку и пью прямо из бутылки. Садимся в снег подле нашего тайника и наблюдаем, как острые вершины деревьев обкусывают вечерний свет. На блюде видимого нам неба с каждой минутой становится всё меньше и меньше розового, и первая звезда ведёт за собой своих гламурных соседок... И, глядя на всё это далёкое непостижимое великолепие, я думаю: «Как?! Как и зачем я оказалась здесь?!»

Волчий вой неожиданно прерывает мои мысли. Как необычно и красиво звучат слова его лесной песни – созвучно моему безмолвному человеческому вою. Мы с сыном дружно вздыхаем, берёмся за руки и идём в дом.

Сытый муж и отец готов к скандалу. Станный народ эти бабы. Вот говорят: лишь бы не пил! Но мой-то как раз и не пьёт, а жить с ним невыносимо тяжело.

– Опять напилась? – грозно вопрошает супруг.

Любой из моих ответов вызывает приступ ярости. Сыночек уходит в другую комнату – читать Большую Советскую Энциклопедию, раскачивая себе молочные зубки. А мы остаёмся и расшатываем нервы себе...

В какой-то из вечеров я не выдерживаю и хватаюсь за топор. И кто знает, чем бы закончился этот дикий порыв, если бы не внезапно нахлынувшая нежность, пробившаяся навстречу грустной усталости, так явно промелькнувшая в глазах мужа.

Он связал меня объятием и ловко выхватил топор из рук, после чего втолкнул в спальню и запер. Рассуждать было не о чем, да и нечем. Ведомая силой, о которой не рассуждают все, я выпрыгнула в окошко. Оно было заколочено по периметру довольно крупными гвоздями и в распахнутом виде выглядело пастью акулы с кривой ухмылкой.

Дело было поздно вечером. Оставляя за спиной дом с печью, подле которой тихо рисовал наш маленький сын и, обхватив голову руками, сидел расстроенный моей дикой выходкой супруг, я не думала ни о чём, кроме побега. Ни о ком, кроме себя. Не выбирая направления, босая. Почти по присказке – куда глаза глядят – перекатывала ногами земной шар в противоположную от кордона, ставшего родным, сторону. Через некоторое время оказалось, что бегу в сторону Городища...

Вечер всё грубее подталкивал в спину к зареву света, льющегося из оврага. Бежать становилось всё легче и легче. Вместо избитой дороги просеки под ноги лёг рассыпчатый ковёр ярко-жёлтого песка, утолил жар ступней. Захотелось умерить шаг и оглядеться.

Городище смотрелось так, как оно выглядело, наверное, в своём родном тринадцатом веке. Подле костров группами сидели мужчины, женщины и дети. Рядом дремали собаки. На животных не было никаких украшений или ошейников. Лишь срезанная с кончиков хвоста шерсть отличала их от волков. Я не разглядывала, во что были одеты люди. Но запомнила их взгляды друг на друга. В них было столько теплоты и спокойствия... К тому же, все они были голубоглазы, как и я. Эти люди сидели на месте. Не собирались на охоту. Не снимались с места, чтобы найти иную нишу в лесу для своих повседневных дел. Не суетились. Но как полно жили они! Не швырялись мгновениями налево и направо, а понемногу, постепенно, подробно впитывали их.

Родители негромко переговаривались, изредка касаясь ладонями друг друга. Их объятия были похожи на плетение ветвей или стволов меж собой. Одинаково тесные и целомудренные. Малыши, облокотившись о мамину спину, перемещали по песчаным рекам игрушечные лодки. Люди и собаки не глядели в мою сторону, не смущали, но было понятно, что знают о моём присутствии. Осуждают и в то же время поддерживают...

Прошли мгновения или года, кто знает. Видение исчезло, и я обнаружила, что стою у крайнего дома соседнего лесного поселения. До него от нашего кордона не меньше пятнадцати километров. Стучусь в контору и прошу сообщить мужу по рации, где я. Пусть заберёт.

Через сорок минут мы уже в машине. Едем молча. Муж недоверчиво поглядывает, некоторое время старается не задавать вопросов, но потом не выдерживает:

- Тебя кто-то подвёз?
- Нет.
- Что случилось по дороге?
- А что?
- Ты дошла до Чистого за пятнадцать минут!
- Ну и что?
- Так не бывает!!!
- Почему не бывает? Бывает...
- И что произошло по дороге?
- А что?
- Ты видела себя в зеркало?!!

Я глянула в зеркало заднего вида и не узнала в юной девушке с ясными яркими голубыми глазами ту нетрезвую измученную тётку, которая выскочила в окошко своего дома немногим более часа назад.

– Ну, что ж... Что-то теряем, что-то находим, – сказала я, рассмеялась так, как давно уже не делала это – звонко и весело. И дотронулась до плеча мужа своим плечом.

Покинув городской уют...

Гадая на кофейной гуще,
Вы стимулируете
производство кофе...

Для того чтобы понять, что наступает весна, нам не надо заглядывать в календарь. Мы – служащие СКФМ. Станции комплексного фоновый мониторинга Гидрометеослужбы. Фиксируем количество и качество осадков, загрязнённость и состав атмосферы, направление ветра, давление. Раз в неделю, по средам, я отношу образцы дождя и снега на ближайшую железнодорожную станцию, чтобы передать их начальнику отделения. Зарплата на двоих смехотворно мала – 500 рублей в месяц.

Когда мы съезжали с городской квартиры, родители в качестве отступных оплатили нам кое-какие приобретения: три мешка картошки, мешок моркови, мешок лука, три мешка комбикорма, шесть кур и козу. Благодаря этому мы – счастливые обладатели хозяйства, в котором бравый Пётр Петрович руководит шестью курами и козой. Зорька – крутобокая и внушительная, как из детской бодалки о «козе рогатой». Бывший хозяин козы сообщил, что она скоро станет мамой и порадует нас молочком.

«На свете всё на всё похоже...» Козлёнка и молочка мы наивно ждали ровно год, пока не догадались прикупить козочку и козлика, чтобы увеличить шансы немисливо поздороветь от жирного козьего молока.

Наши куры – это вообще отдельная песня. Они давали по яйцу в день. Не все разом, а именно так – шесть кур выдавали «на гора» всего одно яйцо. Но нравом обладали воистину бойким. Забежавшую к ним под насест крысу куры съедали с немислимой скоростью и жестокостью. Колорадские жуки облетали наш просторный огород не ближе, чем виноградниками Франции. Потому что всё, что проползало, пролетало или пробегало в зоне их досягаемости, заканчивало свой путь в морщинистых желудках общительных наседок.

Куры отзывались на имена, были весьма дружелюбны и... сострадательны. В день моего рождения, когда есть было, по обыкновению, совершенно нечего, я расплакалась, стоя посреди курятника: «Куручки! Милые! Ну что же вы!? Ну, хоть одно яичко...»

Шмыгнув носом и утерев щеки, я побрела обозреть пустой майский огород. А спустя некоторое время услышала надрывные хоровые старания обитателей курятника. Через несколько минут моя любимица -Серенькая курица – выбежала во двор и позвала забирать подарки: шесть яичек, одно к одному. Одно другого теплее и краше... Милые вы мои птички...

Курица не птица? Кто выплюнул это нелепое оскорбление? Неспособность летать не то же самое, что неумение парить над суетой... даже если ты «всего лишь» курица.

Трясогузка

Ну, всем охота иметь средства,
но не все средства хороши!

Мы совершенно не боялись выпускать кур на огород, потому что, несмотря на наши титанические усилия, там мало что росло. Лесная почва весьма негостеприимна к огородным культурам и сопротивляется любым попыткам освободить её от корней, корневищ и подземных зарослей. Грозный муж развязал войну против лесного беспредела, с топором наперевес. Он вырубал куб земли, переворачивал его, дробил молотком и принимался кромсать следующий участок. Картошка, посаженная в землю, подготовленную столь трудоёмким способом, оказалась попросту погребённой. Немного порадовали огурчики и помидоры, которые зеленели наперебой и такими же зелёными попали в маринад – помидоры наотрез отказались созревать! Самой лучшей огородной культурой оказалась петрушка. Она гордо держалась до первых заморозков, но даже после, покрытая снегом и наста ледяной коростой, она держалась, как стойкий оловянный солдат. Мы выкапывали зелёные стебли из-под снега и добавляли в макароны. Причём петрушка кудрявая (*Petroselinum crispum*) так невыносимо пахла копчёной колбасой, что обманутый обонянием желудок угрожал сжаться до размеров перчинки и переварить сам себя...

Коза не курица – что не съест, то понадкусывает. Поэтому с весны до поздней осени коза ходила вдоль забора и питалась всем, что росло рядом. В первый сезон, пока Зорька была единственным крупным домашним животным, она не грустила от одиночества. По ночам болтала с курами. Днём перемигивалась с трясогузкой, которая с вечера до раннего утра ждала козу, сидя на заборе, а оставшуюся часть суток развлекалась паркурком, сидя верхом на ней.

Подобная дружба обернулась для птицы не самым лучшим образом. Поначалу трясогузка, наглядно иллюстрируя своё видовое название, потряхивала

гузкой при нашем приближении к козе и даже перелетала на забор. Сидела там, пытаясь сохранить равновесие своего нового, грузного тела и раздражённо пощёлкивая клювом. А позже ей стало лень нас пугаться. Когда козу вели домой, птица не сразу понимала, что «банкет» окончен, и катилась верхом, откидываясь «в седле», как подгулявший гусар.

Сам процесс поглощения пищи был достоин сюжета передачи «В мире животных». Широко расставив лапы и вцепившись в пегую шерсть на широкой спине Зорьки, трясогузка стояла не шелохнувшись и открывала рот, глотая насекомых с таким громогласным чавканьем, будто у неё вместо клюва выросла челюсть с многочисленными зубами.

Иногда она, как профессиональный теннисист, чуть наклоняла голову, чтобы скорректировать полёт слепня, и тот попадал точно в цель. Раздавалось громогласное «глык!», и кровожадное гудение прерывалось на самом интересном для него месте. Коза вяло жевала листья и практически ухмылялась, никем не покусанная.

Из козы вышел никудышный тренер. Осенью разжиревшая птичка не смогла присоединиться к соплеменникам. Они отправились в отпуск на юг без неё. Мы предлагали трясогузке для зимовки апартаменты в доме или сарае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.